

исключает безо всякого примирения; пока верует в то, что своим Богом победит и изгонит из мира остальных богов. Так веровали все с начала веков, все великие народы по крайней мере, все сколько-нибудь отмеченные, все стоявшие во главе человечества. Против факта идти нельзя. Евреи жили лишь для того, чтобы дожидаться Бога истинного, и оставили миру Бога истинного. Греки боготворили природу и завещали миру свою религию, то есть философию и искусство. Рим обоготворил народ в государстве и завещал народам государство. Франция в продолжении всей своей длинной истории была одним лишь воплощением и развитием идеи римского Бога, и если сбросила наконец в бездну своего римского Бога и ударилась в атеизм, который называется у них покамест социализмом, то единственно потому лишь, что атеизм все-таки здоровее римского католичества. Если великий народ не верует, что в нем одна истина (именно одном и именно исключительно), если не верует, что он один способен и призван всех воскресить и спасти своею истиной, то он тотчас же перестает быть великим народом и тотчас же обращается в этнографический материал, а не в великий народ. Истинный великий народ никогда не может примириться со второстепенною ролью в человечестве или даже с первостепенною, а непременно и исключительно с первою. Кто теряет эту веру, тот уже не народ. Но истина одна, а стало быть, единый из народов и может иметь Бога истинного, хотя бы остальные народы и имели своих особенных и великих богов. Единый народ «богоносец» – это русский народ» (Б. 200).

Невероятный ход мыслей – но до чего же современный!...

Здесь представлен уже не тот народ, о котором шла речь выше. Скорее здесь раскрывается та возможность демонического, которая таилась в органичной связи с народом. Религиозная же сила, именуемая здесь «Богом», – уже не Тот, о Котором также говорилось выше, не Живой Бог, Создатель и Господь, не Христос-Искупитель, дающий силы для преодоления человеком греховности, а нечто такое, что ведет к абсолютизации народа и – при соответствующих предпосылках – государства.

Тем сильнее впечатление от того, что мы читаем на следующей странице:

«– Извольте... – сурово посмотрел на него Николай Всеволодович, – я хотел лишь узнать: веруете вы сами в Бога или нет?»